

А.С. Табачков

Интерпретация и развитие познания исторического прошлого

Не будет большим преувеличением сказать, что вся история метатеоретического осмысления познания исторического прошлого – это, выражаясь образно, непрекращающиеся попытки разрушения на самом деле так никогда и не построенного здания. Интенция критической деструкции этого феномена всегда превалировала (у всех, за исключением, возможно, В. Дильтея) над попытками дать ему непротиворечивое философское обоснование. Как ни странно, но данное обстоятельство совсем не мешало практике историографии все это время развиваться и совершенствоваться. Так и не став, с точки зрения ее многочисленных критиков, эпистемологически состоятельной дисциплиной, двигаясь вне специальных теоретических и методологических ориентиров, она сумела тем не менее не отстать, или почти не отстать, от общей динамики эволюции культуры.

Современное состояние социально-гуманитарного знания, по крайней мере той его части, которая непосредственно занята анализом и интерпретацией прошлого, несомненно, является переходным. К состоянию дел в этой области сейчас вполне применимы те известные теоретические модели, описывающие переход от «состояния А к состоянию В», к которым неизменно прибегают в случаях, когда противоречивый и динамичный характер действительности не оставляет другого выбора. Однако ни эти модели, ни сам текущий момент развития социально-гуманитарного знания не дают и, по видимому, не могут дать прямого ответа на вопрос о том, какими будут роль исторического и наши способы его понимания в будущем.

Очевидно, что в метатеоретическом плане познанию прошлого пока еще не удалось полностью преодолеть влияние позитивизма и выйти из парадигмы спровоцированных этим влиянием проектов построения аксиоматики исторического знания на основе недиалектически трактуемого примата фактического. Однако сама логика складывающейся в этой области познания гносеологической ситуации указывает на то, что дальнейшее развитие историографии и других социально-гуманитарных дисциплин будет обязательно связано с преодолением онтологически неверного и эвристически непродуктивного противопоставления факта и его интерпретации.

В плане же структурно-институциональном, унаследованная от XIX века система производства, критического отбора и распространения историографических дискурсов выглядит совершенно неадекватной сегодняшней ситуации: качественное изменение характера общественного сознания в постиндустриальную эпоху ведет к закономерной утрате монополии структур производства знания, контролируемых политической властью, на интерпретирование прошлого. Демократизация процессов интерпретации и реинтерпретации прошлого может способствовать прекращению идеологической редукции прошлого и стать важнейшим условием преодоления вызванных нигилистическими и релятивистскими тенденциями искажений, препятствующих дальнейшему духовному развитию социума.

Можно выделить два главных фактора, определяющих качественное изменение всей совокупности способов и методов понимания и изучения исторического. Первый из них имеет опосредованный характер. Его появление можно, по-видимому, отнести ко второй половине XX века, механизм же действия может быть кратко представлен следующим образом: социально-гуманитарное знание оказалось весьма небезразлично к масштабу и характеру своих объектов. Случилось так, что часть этого знания, занятая исследованием прошлого, оказалась перед необходимостью иметь дело с событиями; к которым привычные способы научной работы, а главное, последующей репрезентации результатов таковой, оказались неприменимы. Не только сам масштаб событий XX века, но и их историческая близость, сохраненная и многократно усиленная новыми медиа, а также – как следствие изменившейся культурной ситуации – большее, чем когда-либо ранее, количество выразительных личных свидетельств, все это сделало невозможным традиционное построение исторического нарратива; можно сказать, что сами события затребовали того, кого Ницше называл «*der echte Historiker*» («истинным историком») [1]. Историографический текст как комбинация анекдотов и более или менее обоснованных обобщений начинает с этого времени восприниматься как все более неадекватный, в том числе и по этическим и культурным соображениям. Хотя, разумеется, историография тоталитарных и многих посттоталитарных стран была и в значительной степени остается вне этой тенденции. Исторические нарративы, особенно не осложненные излишней рефлексией «правильные» трактовки крупномасштабных трагических событий прошлого, по-прежнему прямо используются здесь в идеологических целях.

Насколько далеки подобные проекты инструментализации трагического опыта прошлого от общей модальности западной культуры, легко увидеть, посмотрев, как произвольно и подчас цинично мы обращаемся с памятью о собственном прошлом, к примеру, с памятью о страшных событиях XX века. Так, на всем так называемом постсоветском пространстве Вторая мировая война служит удобным поводом построения чисто идеологических, инструментальных дискурсов; причем этим активно занимается как действующая власть, так и ее оппоненты. Разумеется, при желании вполне можно понять и достаточно непростое положение власти (и оппонировавших ей политических сил), вынужденной что-то делать с потенциально, быть может, опасным идеологическим «вакуумом», вызванным крахом советского социализма и последовавшей за ним постепенной дискредитацией либеральных идей.

В этой ситуации остается лишь пожалеть, что ставшие, казалось бы, нормами культуры способы понимания трагического опыта прошлого, остаются пока невостребованными динамикой эволюции локальной историографии, по крайней мере, той совокупности ее дискурсов, которые предназначаются большинству общества. Это опасно еще и потому, что существует универсальная закономерность, хорошо известная специалистам-практикам: интенсивное навязывание низкокачественных, сверхидеологизированных дискурсов может привести к генерации парадоксальной симпатии «от противного».

В качестве второго и не менее важного фактора эволюции триады «историческое прошлое – социально-гуманитарное знание – общество» мы видим саму ситуацию начала XXI века. Вызванная изменениями политического, культурного и технологического свойства, новая информационная ситуация, характеризующаяся, в первую очередь, большим, чем когда-либо прежде, количеством конкурирующих или даже антагонистичных друг другу интерпретаций прошлого, по-иному определяет сами условия существования институализированного знания и, в первую очередь, таких его дисциплин, как историография и политология.

Не менее важной составляющей этой новой ситуации является качественно изменившееся, ставшее значительно более гетерогенным и намного более критичным, общественное сознание, которое куда как менее толерантно к любым авторитетам, в том числе и к авторитету институализированного знания.

Поскольку каждый значимый историографический дискурс конституируется в конкретике социокультурного бытия посредством процессов его восприятия, сегодняшний момент эволюции знания – это переход от прежней однонаправленной модели «автор – текст – аудитория» к совершенно иной ситуации. Культурно развитая аудитория, обладающая способностью критического мышления и, что немаловажно, имеющая доступ как к источникам информации, так и к свободным от обязательного санкционирования властью средствам ее распространения, постепенно становится влиятельным соавтором дискурсов.

В этих новых условиях задачи занятых исторической проблематикой социально-гуманитарных дисциплин просто не могут не измениться. В противном случае нас ожидают не только тяжелый кризис всей этой отрасли знания, но и серьезные последствия большего, возможно цивилизационного, масштаба.

Представляется, что уже в ближайшем будущем не привычное производство квазилегитимных интерпретаций отдельных событий вкупе с выработкой часто просто удобных политической элите доктрин, но распространение методов анализа и интерпретации исторического прошлого, пропаганда культуры его адекватного понимания должны стать основными направлениями деятельности социально-гуманитарных дисциплин.

Можно сказать, что интерпретация применительно к данной сфере познания является сущностно креативной процедурой образования дискурсивного нового. По отношению к событию она выступает как его действительное продолжение и способ длящейся реализации всего спектра его потенциальных значений. Интерпретация (реинтерпретация) является, прежде всего, способом перспективного, имеющего своей целью развитие человека и общества, познания исторического прошлого. Именно благодаря интерпретации трагические события, ошибки и неудачи прошлого превращаются, во-первых, в актуальную составляющую человеческого опыта, а, во-вторых, только через интерпретацию мы можем вновь актуализировать казавшуюся навсегда утраченной духовную энергию участников подобных, не получивших прямого позитивного продолжения событий. В этическом плане интерпретация дает возможность если и не апологии, то важного – прежде всего, разумеется, для нас – эмпатического соучастия с теми, чьи жизни были поглощены страшной историей Запада, своеобразный шанс для нас сказать им, а вернее, себе: «Мы вас понимаем».

Имманентно присущая интерпретации способность к производству максимально целостных, противящихся попыткам произвольного конфигурирования вдоль линий «свое – чужое» дискурсов в наибольшей степени способствовала занятию ею как процедурой понимания центрального, по нашему мнению, места в процессах, обеспечивающих связь социума с прошлым. Можно сказать, что сама история способствовала окончательному превращению интерпретации в самостоятельный способ познания феноменов прошлого.

Можно предложить следующую дефиницию этого феномена: интерпретация прошлого – это момент опосредованного субъектом диахронного дискурсивного взаимодействия, выявляющего конгруэнтные логике конкретной ситуации познания аспекты универсального смысла события прошлого. В своем наиболее широком значении указанное взаимодействие является конститутивным элементом диалектики саморазвития культуры, поскольку именно с помощью интерпретации (реинтерпретации) обеспечивается динамическая целостность актуальной истории как совокупности репрезентаций значимых событий прошлого.

Таким образом, историческое прошлое – это репрезентация начавшихся ранее, но все еще длящихся, развивающихся событий и событийных рядов в культурных горизонтах настоящего. Существование этого феномена фундаментуруется нашим постоянным вниманием к составляющим его дискурсам и их взаимосвязям. Упомянутая непраздность, серьезность этого внимания объясняются тем, что историческое прошлое не является константой, оно доступно воздействию культурной работы. В социумах западного типа историческое прошлое не принимается как данность, каждая новая генерация критически модифицирует его в своих целях и сообразно со своими эпистемологическими и эстетическими стандартами. Заметим, что далеко не всегда можно даже по прошествии времени разглядеть в этих усилиях создать новое, «свое» прошлое, прямую прагматическую необходимость, некий бесспорно рациональный мотив неприятия унаследованного исторического нарратива. Возможно, что такая «подвижность» прошлого служит залогом готовности создавать и обживать социокультурные пространства будущего.

Многие современные тенденции в историографии, например, постепенный и сопровождающийся острыми общественными дискуссиями отход от манихейских, по сути, позиций выделения в прошлом сил абсолютного зла и добра, вызваны, с нашей точки зрения, все большим осознанием подлинной роли и возможностей интерпретации. Интересно, что подтверждается и воплощается в реальности социокультурной динамики тезис Ницше, который многими рассматривался как просто гипербола: «В актуальности мира, в которой все связано со всем и всем определяется, проклясть и изгнать из мысли что-либо означает проклясть и изгнать из мысли все» [2].

Подводя итог, можно сказать, что интерпретация является необходимым этапом онтологического процесса развития исторического события во времени. В последовательности интерпретаций и реинтерпретаций, через реализацию своего влияния на хронологически удаленное, событие постепенно обретает свою бытийную полноту. Репрезентация прошлого посредством интерпретации предстает поэтому не только методом дискурсивной экспозиции феномена – объекта, но и креативным синтезом смыслов прошлого и настоящего, определяющим характер будущего развития социокультурной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Berkowitz, P.** Nietzsche / P. Berkowitz. – Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard U. P., 1995. – P. 37.
2. **Ницше, Ф.** Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы / Ф. Ницше; пер. с нем. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С. 848.

S U M M A R Y

In this article the following estimation of the modern condition of historical knowledge is given: in the metatheoretical plan the historical knowledge did not manage to overcome the influence of positivism and ontologically incorrect and heuristically unproductive opposition of the fact and its interpretation. Re-valuation of interpretation as an epistemological procedure will probably change this situation in the nearest future.

Поступила в редакцию 29.01.2007